

Tatiana Wołyniec

Семантика запрета и её отражение в языках возможных миров

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 383-395

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Tatiana Wolyniec

Białoruski Uniwersytet Państwowy
Mińsk, Białoruś

СЕМАНТИКА ЗАПРЕТА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКАХ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ

Ключевые слова: *семантика запрета, запреты-превентивы, запреты-ингибитивы, микрополя прямого (эксплицитного) и косвенного запрета, имплицитный способ выражения запрета, внешний/внутренний запрет*

Семантика запрета входит в круг значений деонтической модальности, в рамках которой практические действия участников ситуации регулируются с точки зрения определённой системы норм. Смысл запрета обычно заключается в намерении говорящего не допустить осуществления нежелательного действия со стороны адресата или пресечь действие, уже выполняемое адресатом. Соответственно выделяются и два типа запретов: а) запреты-превентивы (говорящий запрещает адресату предпринимать какое-либо действие); б) запреты-ингибитивы (говорящий требует от адресата прервать уже начатое дело)¹.

План содержания семантики запрета формируется в зависимости от ситуации под влиянием либо объективно существующих общепринятых норм морали и нравственности, либо субъективных представлений и принципов говорящего. Как считает М.Я Гловинская, «в основе всех запретов лежит понятие 'нельзя': Х говорит Y-у, что делать Р нельзя»².

План выражения семантики запрета представляет собой систему разноуровневых средств:

- **лексических** (*не следует, не годится, неприлично, запрещено, воспрещено, запрещается, воспрещается, нельзя* (во 2-ом значении 'не разрешается, не дозволено');
- **лексико-синтаксических** (*несвободные словосочетания нет оснований, нет возможностей, нет шансов, наложить вето, не имеет права и т.д.*);
- **морфолого-синтаксических** (односоставные инфинитивные, определенно-личные или неопределенно-личные предложения с конкретным или обобщенно

¹ Ю.С. Степанов, *Язык и метод: К современной философии языка*, Москва 1998, с. 741.

² М.Я. Гловинская, *Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов*, [в]: *Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект*, Москва 1993, с. 188.

мыслимым объектом действия и предикатом – формой глагола в изъявительном наклонении, формой глагола 2-го лица ед./мн. ч. повелительного наклонения, инфинитивом (как свободным, так и в сочетании с другими языковыми единицами), словом категории состояния, формой краткого страдательного причастия).

Возможности, заложенные в языковой системе, в языке поэзии реализуются в зависимости от целей и задач общения и коммуникативных установок автора.

Собранный и проанализированный нами языковой материал (для исследования были взяты поэтические тексты А. Блока, О. Мандельштама, Б. Пастернака, А. Вознесенского, В. Высоцкого и А. Галича) позволяет утверждать следующее.

1. Семантика запрета актуальна для русской поэзии. Отчасти это, видимо, можно объяснить тем, что идея запрета в принципе очень сильна в менталитете русского человека³. Практически в текстах всех исследованных нами авторов преобладают запреты превентивы, запреты-ингибитивы встречаются реже.

2. В языках возможных миров можно выделить три способа вербализации семантики запрета: **прямой (эксплицитный), косвенный и имплицитный**.

Микрополе прямого запрета организуют формы лексем *запрет* (*в запрете, под запретом...*), *запретный...*, несвободные словосочетания типа *наложит veto, не имеет права...*, лексема *нельзя* во втором значении ('не разрешается, не дозволено; // не следует, недопустимо, не принято')⁴ и синонимичные ей предикативные и атрибутивные формы глаголов (нередко с частицей *не*) (*не следовать, (не) годиться, запрещать (запрещено), запрещаться, воспрещать (воспрещено), воспрещаться, (не) разрешать (не разрешено), (не) разрешаться, (не) позволять (не позволено)* и т.д. – *Из омута злого и вязкого Я вырос, тростинкой шуриша, И страстно, и томно, и ласково Запретною жизнью дыша* (О. Мандельштам, *Из омута злого и вязкого*); *Он поразительно смешон! Зачем совался в сторожа? Он видел – вход не разрешиён. Да будет так же жизнь свежа!* (Б. Пастернак, *Да будет*). *Все пишут – я перестаю. О Сталине, Высоцком, о Байкале, Гребенщикове и Шагале писал, когда не разрешали. Я не хочу попасть в струю* (А. Вознесенский, *Ответ на записку*). *... народные копыя Народ никому не позволяет ломать* (А. Галич, *Баллада о чистых руках*). *Мы на приметы наложили veto, Мы чтим чутьё компасов и носов* (В. Высоцкий, *Мы говорим не «штормы»...*)⁵.

Для выражения прямого запрета используются также и отрицательные по смыслу прохибитивные императивные предложения с предикативными центрами, организуемыми формами повелительного наклонения глаголов несовершенного вида. Этот тип конструкций при реализации семантики запрета в наименьшей степени подвергается влиянию контекста; в них, как правило, «выра-

³ Е.В. Харченко, *Модели речевого поведения в профессиональном общении*, Челябинск 2003, с. 255.

⁴ *Словарь русского языка. В 4-х т.* Под ред. А.П. Евгеньевой, Москва 1981-1984.

⁵ Здесь и далее примеры цитируются по: А. Блок, *Сочинения в 2-х т. Стихотворения. Поэмы. Театр.* Т. 1, Москва 1955; О. Мандельштам, *Нашедший подкову: Стихотворения*, Санкт-Петербург 2005; Б. Пастернак, *Стихотворения и поэмы*, Москва 1988; А. Вознесенский, *Лирика*, Москва 2005; В. Высоцкий, *Нерв*, Москва 1988; А. Галич, *Песня об отчем доме*, Москва 2003.

жается адресованное слушающему волеизъявление говорящего относительно неисполнения действия»⁶ – *Не говори никому, Всё, что видел, забудь – Птицу, старуху, тюрьму Или ещё что-нибудь* (О. Мандельштам, *Не говори никому...*). *Не шевелись, не двигайся, не смей, Я видел жало – ты змея, я знаю!* (В. Высоцкий, *Песня певца у микрофона*). Так *давайте ж друг у друга не воруйте идей, не валите друг на друга свои горести* (А. Галич, *Я принимаю участие в научном споре...*).

Микрополе косвенного запрета формируется в основном бессубъектными синтаксическими конструкциями констатирующего или прогнозирующего характера, предикаты которых допускают семантическую интерпретацию: «действие невозможно и, следовательно, не позволено». – *А стены проклятые тонки, И некуда больше бежать, И я как дурак на гребёнке Обязан кому-то играть* (О. Мандельштам, *Квартира тиха, как бумага*). В зале Чайковского *лгать не удаётся...* (А. Вознесенский, *Зал Чайковского*). *Заколоченные параллели Преподали нам славный урок – Не делить с подонками хлеба, Перед лестью не падать ниц, И не верить ни в чистое небо, Ни в улыбку сиятельных лиц* (А. Галич, *Вальс, посвящённый Уставу караульной службы*).

В микрополе косвенного запрета втягиваются и превентивные императивные предложения, предикативным центром которых в основном являются формы повелительного наклонения глаголов совершенного вида, в семантическом плане ориентированные на предостережение. – *Бывает сердце так сурово, Что и любя его не тронь!* (О. Мандельштам, *Ода Бетховену*). *Разглядеть, что истинно, что ложно, Может только беспристрастный суд: Осторожно с прошлым, осторожно, – Не разбейте глиняный сосуд!* (В. Высоцкий, *Зарыты в нашу память...*).

Семантика косвенного запрета нередко реализуется и в различных синтаксических конструкциях с предикативным центром – личной формой глагола в настоящем или будущем времени, употреблённой в сочетании с оператором семантики отрицания, частицей *не*. – *И так устроено, что не выходим мы Из заколдованного круга...* (О. Мандельштам, *Я в хоровод теней, топтавших нежный дуг...*). *На ослабленном нерве я не зазвучу – Я уж свой подтяну, подновлю, подвинчу!* (В. Высоцкий, *Мне судьба – до последней черты, до креста*). *Как показали опыты Колмогорова, не программируется искусство, не выводятся два чувства поэзии. Таланты не выращиваются квадратно-гнездовым способом. Они рождаются* (А. Вознесенский, *Портрет Плисецкой*).

О наличии косвенного запрета в тексте может сигнализировать и риторический вопрос – *Кто может знать при слове – расставанье, Какая нам наука предстоит?* (О. Мандельштам, *Tristia*). *Ну можно ли в жилет пулять мороженым?!* (А. Вознесенский, *Бьёт женщина*).

Прямое (эксплицитное) выражение семантики запрета в поэтических текстах встречается редко. Авторы сознательно избегают прямых формул запрета в силу их категоричности и определённой конфликтности, и используют их в следующих ситуациях:

⁶ В.С. Храковский, *Прохибитивные предложения. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*, Ленинград 1990, с. 211.

- при апелляции к общечеловеческим нравственным императивам – *Но старая в цепце, наморщив лоб свой низкий, Кричит: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!»* (А. Блок, *Я жалобной рукой сжимаю свой костыль*); или *Пётр дал мечом отпор головорезам И ухо одному из них отсек. Но слышит: «Спор нельзя решать железом, Вложи свой меч на место, человек»* (Б. Пастернак, *Гефсиманский сад*);
- при выражении идеи всеобщего сверхзапрета, не зависящего от воли человека, – *А на улице вьюга Всё смешала в одно, И пробиться друг к другу Никому не дано* (Б. Пастернак. *Вахханалия*). *За всё, что мне скрыть от людей не дано, – Простите меня* (А. Галич, *Письмо в семнадцатый век*);
- при запрете сентенциозного характера, адресованном обобщённо мыслимому субъекту, – *Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть: Ведь всё равно ты не сумеешь стекла зубами укусить* (О. Мандельштам, *Не искушай чужих наречий*). *Собаки бывают дуры, И кошки бывают дуры, И им по этой причине Нельзя без номенклатуры* (А. Галич, *Абсолютно ерундовая песня*);
- при выражении запрета, адресантом которого является сам лирический герой – *Недостойную фразу твою не стерплю, побледнею от вздору. Но тебя я боготворю. И тебе стать другой не позволю* (А. Вознесенский, *Художник и модель*);
- при отражении (цитации) реально существующих формул запрета – *И только круглый витраж розетки почему-то парил над площадью, как знак: «Проезд запрещён»* (А. Вознесенский, *Париж без рифм*); *...но во время матча пить нельзя* (В. Высоцкий, *Игра*);
- при олицетворении (персонификации) неодушевленных предметов – *Ещё о восходах молодых Весенний грунт мечтать не смеет. Из снега выкатив кадью, Он берегом речным чернеет* (Б. Пастернак, *Ледоход*). *Не трожь человека, деревце, костра в нем не разводи, И так в нём такое делается – боже, не приведи!* (А. Вознесенский, *Роцца*); *И влюблённость звала – Не да-ла отойти от окна, Не смотреть в роковые черты, оторваться от светлой мечты* (А. Блок, *Влюблённость*).

Семантическая область запрета в русской поэзии гораздо чаще оказывается представленной **косвенно** и **имплицитно**. В последнем случае отбор языковых средств и конструкций осуществляется из максимума языковых ресурсов – лексем, предложно-падежных форм, несвободных словосочетаний, предложений. Все эти языковые единицы приобретают семантику запрета только в данном контексте. – *Я свободе, как закону, Обручён, и потому Эту лёгкую корону Никогда я не сниму* (= никогда не позволю ограничить свою свободу) (О. Мандельштам, *О свободе небывалой...*). *Там весна. А ты – зимняя пленница, Бедная девочка в розовом капоре* (= запрещено выходить на улицу) (А. Блок, *Поэт*). *Люблю, когда, выжав педаль, хрустально, как тексты в хорале, ты скажешь: «Какая печаль! Права у меня отобрали...* (= отобрали права, следовательно, запретили ездить на машине) (А. Вознесенский, *Нас много*). *Не хлопьями! Руками крой! – Достанет! О десять пальцев муки, с бороздой Крещенских звёзд, как знаков опоздания, В пургу на север шедших поездов* (Б. Пастернак, *Разрыв*). *«Эй, ты – в брючках, пиено, дешёвка, Ты отчаливай, не форси! Тут трамвайная остановка, а не очередь на такси!»* (= здесь запрещено стоять) (А. Галич, *Вечерние прогулки*).

Иногда в поэтическом тексте о запрете сигнализируют либо просьба о разрешении, либо волеизъявление (как реальное, так и ирреальное) лирического героя, либо вопрос, либо нарушение запрета. – *На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко, Чтобы двойка конвойного времени парусами неслась хорошо* (О. Мандельштам, *День стоял о пяти головах*). *Будто послушник хочет к Господу, ну а доступ лишь к настоящему – так и я умоляю доступа без посредников к настоящему* (А. Вознесенский, *Ностальгия по настоящему*). *Ведь нечего бояться И нечего терять... Но надо ли сказать? И можно ли сказать?* (А. Блок, *Хожу, брожу, понурый...*). В «Кармен» она **впервые ступила** на полную ступню. *Не на цыпочках пуантов, а сильно, плотски, человечьи* (А. Вознесенский, *Портрет Плисецкой*). *Не своей чешуёй шуришим Против шерсти мира поём* (О. Мандельштам, *Я по лесенке приставной*).

Нередко основным средством выражения семантики запрета в поэтическом тексте является широкий **контекст**. – *Красивой женщине смотрю в глаза И говорю: «Сегодня ночь. Но завтра – сияющий и новый день. Приди. Бери меня, торжественная страсть, А завтра я уйду – и запою* (А. Блок, *В дюнах*). Лирический герой декларирует свое право на абсолютную внутреннюю и внешнюю свободу, и в подтексте звучит: «Я никому не позволю посягать на неё». *Он приплыл со мной с того берега, заблудившись в лодке моей. Не берут его в муравейники. С того берега муравей* (А. Вознесенский, *Муравей*). В данном контексте нет привычных языковых средств, выражающих семантику запрета, однако в смысловом отношении он полностью располагается в семантической области оппозиции «свой – чужой», в которой чужому запрещено всё. Через всё текстовое пространство песни В. Высоцкого *Она была в Париже* проходит столь актуальная для автора мысль о недостижимости любимого человека, несоединимости с ним. И хотя формально семантика запрета не вербализуется автором, она сублимируется в контексте и прочитывается между строк.

3. Довольно часто при выражении семантики запрета (как эксплицитном, так и имплицитном) наблюдается расширение семантического пространства поэтического текста. Дополнительные смыслы обнаруживаются в тех случаях, когда конструкции с предикатами, в значениях которых содержатся семы запрета действия или оценка ситуации с точки зрения «нельзя», допускают семантическую множественность интерпретаций. Расширение семантического пространства предиката обычно идет в двух направлениях:

- а) в одной форме объединяются значения невозможности и непозволительности действия – *Не сердись и прости. Ты цветёшь одиноко, Да и мне **не вернуть** Этих снов золотых, этой веры глубокой... Безнадёжен мой путь* (= у тебя нет возможности и тебе не будет позволено) (А. Блок, *Не сердись и прости*). *Там – гул. **Ни лечь, ни прикорнуть**. По площадям летает трут. Там ночь, шатаясь на корню, Целует уголь поутру* (= невозможно, не позволено) (Б. Пастернак, *Распад*). *А мог бы всю жизнь просвистать скворцом, засть ореховым пирогом – Да, видно, **нельзя** никак...* (= невозможно, не позволено) (О. Мандельштам, *Куда как страшно нам с тобой...*). *Век мой, зверь мой, кто **сумеет Заглянуть** в твои зрачки И своею кровью склеит Двух столетий позвонки?* (= никто не сможет, никому не позволено) (О. Мандельштам, *Век*). *Мне ужасно неудобно, но я очень **несъедобный**. Я пропи-*

тан алкоголем, аллохолом, аспирином (= меня съесть не позволено, потому что невозможно) (А. Вознесенский, *Пир*). *Мы гнёмся в три погибели – ну, что ж, Такой уж ветер... Только, друг, ты знаешь – зато ничем нас после не согнёшь, зато нас на равнине не сломаешь!* (= не сможешь сломать, нельзя будет сломать) (В. Высоцкий, *Кто старше на четверть века...*);

- б) в сферу запрета действия втягиваются модальные значения долженствования или необходимости действия – **Не строй жилищ у речных излуцин, где шумной жизни заметен рост** (= не нужно, запрещено строить жилища у речных излуцин) (А. Блок, *Не строй жилищ у речных излуцин*). **Не возвращайтесь к былым возлюбленным, былых возлюбленных на свете нет...** (= не надо, не должны, не позволено возвращаться) (А. Вознесенский, *Не возвращайтесь к былым возлюбленным*). *И когда наши девушки сменят шинели на платьица, – не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять* (= нельзя, не должны забыть...) (В. Высоцкий, *Песня о новом времени*). *Без пристрастия на миг нельзя Ни корону бросать, ни гвоздь!* (= не надо, запрещено) (А. Галич, *Говорят. Пошло с Калиты...*).

4. В семантической области запрета у всех авторов отчетливо выделяются два поля: в первом концентрируется запрет, направленный на действия и поступки лирического героя либо адресованный конкретному или обобщённо мыслимому собеседнику, субъекту как бы извне, второе представляет собой совокупность внутренних нравственных решений лирического героя.

Ситуация внешнего запрета актуальна для всех интересующих нас авторов, к ней обращаются чаще, чем к ситуации внутреннего запрета – *Я скажу это начерно, шёпотом, потому что ещё не пора: достигается потом и опытом Безотчётного неба игра* (О. Мандельштам, *Я скажу это начерно, шёпотом*); *Но глупым сказкам я не верю, Больной, под игом седины. Пускай другой отыщёт двери, какие мне не суждены* (А. Блок, *Старик*). *Темный лес и берег пруда, Ели сваленной бревно. Путь отрезан отовсюду. Будь что будет, всё равно* (Б. Пастернак, *Нобелевская премия*); *Проснись, поэт, и суй свой пропуск. Здесь не в обычае зевать* (Б. Пастернак, *Высокая болезнь*); *Как нам мещане мешали встретиться!* (А. Вознесенский, *Прощание с Политехническим*).

При сознательном ограничении внутренней свободы возникает ситуация запрета, источником и адресатом которого является один и тот же субъект (лирический герой), – *Тьма ежей любого роста мне иголками грозила. Я на дух надел напёрсток. Жмёт, конечно, но красиво* (А. Вознесенский, *Тьма ежей любого роста*). *Я только робкой тенью вею, не смея в небо заглянуть* (А. Блок, *Заклятие огнём и мраком*). *Сегодня я особенно хриплю, Но изменить тональность не рискую* (В. Высоцкий, *Песня певца у микрофона*). *Я лишнего и в мыслях не позволю, когда живу от первого лица* (В. Высоцкий, *И вкусы и запросы мои странны...*).

Мотив внутреннего запрета отчётливо звучит и в стихотворении А. Галича *Поезд*. В тексте нет специфических форм и конструкций, с помощью которых обычно выражается идея запрета. Поэт просто описывает, как мы живём равнодушно, праведно и душевно, спокойно выбираем окольные пути, не рвемся ни в бой, ни в поиск, замкнувшись в своих квартирках, благополучно забыв о совести и чести. И вдруг в этот безмятежный мир врывается тревожная нота: – *Но*

помни: отходит поезд! Ты слышишь? Уходит поезд Сегодня и ежедневно... А мы балагурим, а мы куролесим, Нам недругов лезть как вода из колодца! А где-то по рельсам, По рельсам, по рельсам – Колёса, колёса, колёса, колёса... Куда идёт этот поезд? Кого он везёт? На эти вопросы нет ответа, но в сознании читателя сразу возникает мысль – так, как описывает автор, жить нельзя.

Иногда поля внешнего и внутреннего запрета пересекаются в рамках одного контекста: *Или, свой путь и срок, Я, исчерпав, вернусь: Там – я любить не мог* (= мне запрещали), *здесь – я любить боюсь* (= я сам себе запрещаю любить) (О. Мандельштам, *Я ненавижу свет*).

Иногда в поэтических текстах семантика запрета реализуется на фоне семантики разрешения, подобное столкновение двух противоположностей усиливает звучание каждой из них – *Пейте вдоволь, пейте двое: Одному не надо пить!* (О. Мандельштам, *Мне Тифлис горбатый снится*); *Уважьте пальцы пирогом, в солонку курицу макая, но умоляю об одном – не трожьте музыку руками! Наширьте огурец со dna и стан справа сидящей дамы, даже под током провода – но музыку нельзя руками* (А. Вознесенский, *Правила поведения за столом*). *Небесное умом неизмеримо, Лазурное сокрыто от умов. Лишь изредка приносят серафимы Священный сон избранникам миров* (А. Блок, *Небесное умом неизмеримо*). *«Не судите!» И нет мерила, Всё дозволено, кроме слов...* (А. Галич, *Вот пришли и ко мне седины*). *И можно свернуть, обрыв обогнуть, но мы выбираем трудный путь, опасный, как военная тропа!* (В. Высоцкий, *Вершина*).

5. Языковое выражение смыслов, связанных с выражением семантики запрета, у каждого из авторов имеет свою специфику.

У А. Блока запрет оформляется в основном с помощью бессубъектных или субъектных отрицательных конструкций, контекста и определённо-личных односоставных предложений с предикатом – формой повелительного наклонения, которая часто используется поэтом без отрицательной частицы *не*, что нетипично при выражении семантики запрета. – *Кончим. Тихо встанет с кресел, Молчалива и строга. Скажет каждому: «Будь весел. За окном лежат снега» (Милый брат! Завечерело)*. – *Будь весел* в данном контексте прочитывается как «запрещено грустить».

Семантика запрета в поэтическом мире А. Блока отличается асоциальностью, размытостью и неопределенностью. Формулы запрета оказываются востребованными при отражении ситуаций, возникающих на оси «лирический герой и его возлюбленная», «лирический герой и его жизнь, судьба». При этом поэт редко использует прямые, однозначно прочитываемые формулы запрета, обычно в его стихотворениях конструкции с предикатами, в значениях которых содержится оценка ситуации с точки зрения «нельзя», допускают семантическую множественность интерпретаций с выходом в область модальных значений. – *Ты покоишься в белом гробу. Ты с улыбкой зовёшь: не буди* (= не надо, не позволено будить) (Вот он, ряд гробовых ступеней). *Я крестом касался персти, Целовал твой прах, Нам не жить* (= невозможно, не позволено жить) *с тобою вместе В радостных полях! (Не мани меня ты, воля!)*.

В качестве адресата запрета в поэтических текстах А. Блока обычно выступает лирический герой, на него чаще всего направлен запрет, как внешний, так и внутренний, причем источник внешнего запрета нередко оказывается неуказанным –

Я один не ушёл от двери И не смел войти и спросить (Говорили короткие речи); *Придет шарманщик хмурый, Заплачет на дворе... О той свободной доле, Что мне не суждена. О том, что ветер в поле, А на дворе – весна* (Хожу, брожу по-нурий). Довольно часто в семантическую область запрета у А. Блока вовлекается и собеседник лирического героя (конкретный, персонифицированный или в сочетании с лирическим субъектом) – *Но мглой весеннею повито Всё, что кипело здесь в груди... Не пой, не требуй Маргарита, В моё ты сердце не гляди* (= не надо, я запрещаю/запрещено) (*Душа! Когда устанешь верить?*); – *Кто вы? Кто вы? Рая дочери! Прочь! Летите прочь! Кто взломал мои засовы? Ты кому открыла двери, Задремав, служанка-ночь?* (Прочь!); *Холодная черта зари, Как память близкого недуга И верный знак, что мы внутри Неразмыкаемого круга* (Ужасен холод вечеров).

Для **О. Мандельштама** характерно глагольное оформление семантики запрета. Он активно использует инфинитивы (как свободные, так и в сочетании со словами категории состояния), формы повелительного наклонения, предикативные формы глаголов в качестве предикативных центров различных по структуре (односоставных и двусоставных, субъектных и бессубъектных) синтаксических конструкций, среди которых часто встречаются вопросительные и восклицательные предложения. Ср: *Я больше не ребёнок! Ты, могила, Не смей учить горбатого – молчи!* (Отрывки уничтоженных стихов); *Недостижимое, как это близко: Ни развязать нельзя, ни посмотреть. Как будто в руку вложена записка – И на неё немедленно ответь* (Шестого чувства крошечный придаток); *И так устроено, что не выходи мы из заколдованного круга* (Я в хорювод теней, топтавших нежный луг).

Семантика запрета в поэтическом мире О. Мандельштама представлена достаточно четко и выпукло. Действие императива запрета чаще всего направлено на лирического героя, который остро ощущает присутствие «нельзя» в своей жизни и для которого весьма актуальны оппозиции «я и власть», «я и внешний мир». – *Лишив меня морей, разбега и разлёта И дав стопе упор насильственной земли, Чего добились вы? Блестящего расчета – губ шевелящихся отнять вы не могли* (Лишив меня морей, разбега и разлёта...). *Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье, Иль этот ровный край – вот все мои права, И полной грудью их вдыхать ещё я должен* (Разрывы круглых бухт, и хряц, и синева...). Ситуации запрета у О. Мандельштама довольно часто возникают в результате несовпадения желаний и волеизъявлений лирического героя с реальной действительностью. Отсюда постоянное выстраивание контекстов, базирующихся на противопоставлении «я хочу, но я не могу, потому что мне не позволено» – *И до чего хочу я разыграться – Разговориться – выговорить правду – Послать хандру к туману, к бесу, к ляду, – Взять за руку кого-нибудь: будь ласков, – Сказать ему, – нам по пути с тобой* (Отрывки уничтоженных стихов). *Я вздрагиваю от холода – Мне хочется онеметь! А в небе танцует золото – приказывает мне петь* (Я вздрагиваю от холода...). Отсюда же и постоянное использование восклицательных конструкций с предикатом, обозначающим ирреальное условное действие, – *О если бы вернуть и зрячих пальцев стыд, и выпуклую радость узнаванья!* (Я словно позабыл, что я хотел сказать...).

У **Б. Пастернака** заполнение семантической области запрета осуществляется с помощью различных языковых средств (как лексических, так и морфолого-

синтаксических), среди которых центральное место занимают отрицательные по смыслу односоставные безличные конструкции с предикатом – словом категории состояния *нельзя* или инфинитивной формой. – *Не спорить, а спать. Не оспаривать, а спать. Не распахивать наспех окна, Где в беспамятных заревах Июль, разгораясь, как яспис, Расплавливал стёкла (Весна была просто тобой). Здесь пересеклись рельсы городских трамваев. Дальше служат сосны. Дальше **им нельзя** (Воробьёвы горы).*

Семантика запрета у Б. Пастернака имеет скорее констатирующий, чем конфликтный характер, только в стихах, написанных в последние годы жизни поэта, появляются формулы запрета, в которых отражается конфликт между лирическим героем и обществом. – *Я пропал, как зверь в загоне, Где-то люди, воля, свет. А за мною шум погони. Мне наружу **ходу нет** (Нобелевская премия).* Констатирующий характер семантики запрета обуславливает особенности его адресации: в поэтическом мире Б. Пастернака: а) ситуация запрета довольно часто формируется вокруг неопределённого (обобщённо мыслимого) или персонифицированного субъекта – *Руки враскидку, крючки назади, Стан казакином, как облако, вступен, Окрик и свист, **берегись, осади**, – Двор! Этот ветер морозный – как кучер (Двор); Как музыка: века в слезах, А песнь **не смеет плакать**, Тряслась, не прорываясь в ах! – Коралловая мякоть (Имелось); б) автор нередко апеллирует к общечеловеческим нравственным императивам – *Я с ними не знаком. Я послан богом мучить Себя, родных и тех, которых **мучить грех** (Возвращение); в) адресат может активно отвергать направленный на него запрет – *Я – плодовая падаля, отдавшая саду Все счёты по службе, всю сладость и яды, Чтоб, музыкой хлынув с дуги бытия, В приёмную **ринуться** к вам **без доклада** (Баллада).***

А. Вознесенский, в отличие от своих предшественников, при вербализации семантики запрета отдаёт явное предпочтение типичным языковым средствам – лексемам со значением, запрещающим действие, и глагольным формам (чаще повелительного, реже изъявительного наклонения). В результате ситуации запрета в его поэтических текстах чаще всего оказываются представленными двусоставными или односоставными определенно-личными предложениями с конкретным или обобщённо-мыслимым субъектом действия. – *«Непечатное – в печать!» «**Запретите запрещать!**» (Нью-Йоркские значки). Вожди вопили: «**Уходи!**» Я выходил на сцену (Прощание с микрофоном); Из инженеров выходит в люди их бородастая детвора. Их в институты **не пустит гордость**. Там сатана правит бал тебе (Люмпен-интеллигенция).*

Семантика запрета у А. Вознесенского весьма разнообразна, однако чаще всего в ней отражается конфликт между лирическим героем и внешним миром в его многочисленных проявлениях, реже – между лирическим героем и его возлюбленной. – *Не бей человека, птица, ещё **не открыт** отстрел (Роцца); С тьмой литературных разберусь я вдругорядь. Вознесенский переулочек **не переименовать** (А. Вознесенский. Я – вселенский полудурок); Не мигают, слезятся от ветра безнадёжные карие вишни. **Возвращаться – плохая примета**. Я тебя никогда не увижу (Сага).*

Отличительной чертой лирики А. Вознесенского является активное использование эмоционально-экспрессивного и эстетического потенциала семантики за-

прета. Поэт нередко прибегает к приёму **концентрации** однотипных языковых средств, которая проявляется либо 1) в использовании различных по семантике лексем, запрещающих действие, либо 2) в введении одной конструкции, рефреном идущей через весь стихотворный текст или опоясывающей его.

Так, парадигма запрета в стихотворении *Роцца* выстраивается с помощью конструкций с предикативными центрами *не трожь, не разводи, не бей, снимите, не браконьерствуй, не убей*. Автор сознательно варьирует формулы запрета и с их помощью создаёт свод правил, регулирующих отношения между человеком и окружающей его природой. Тот же приём использован при построении стихотворения *Не возвращайтесь к бывлым возлюбленным*, в котором три предикативных центра *не возвращайтесь, не возвращайся, не покидайте* выполняют текстообразующие функции – организуют смысловой центр стихотворения, участвуют в развитии темы и выражении основной мысли автора. А в стихотворении *Правила поведения за столом* рефреном, опоясывающим текст, идет строка *Не трожьте музыку руками!* Использованная дважды в сильной позиции, она усиливает и актуализирует в сознании читателя смысловую значимость формулы запрета.

Для **В. Высоцкого** характерно глагольное оформление семантики запрета. Он активно использует не только типичные для данной ситуации формы повелительного наклонения с отрицательной частицей *не* и инфинитивы, но и предикативные формы глаголов. Ср.: *Мы ползём, к ромашкам припадая, Ну-ка, старшина, не отставай!* (*Разведка боем*). *И наш тренер, экс- и вице-чемпион ОРУДа, не пускать* меня велел на стадион, куда! (*Про конькобежца*). *Не надо подходить к чужим столам И отзываться, если окликают* (*Случай*). *Дай Бог, я всё же дотону, Не дам* им долго залежаться (*Упрямо я стремлюсь ко дну*). *В которой раз лечу Москва – Одесса... Опять не выпускают самолёт* (*Москва – Одесса*).

Другие языковые средства (устойчивые словосочетания, конструкции с предикатом *нет*, отрицательные конструкции, контекст) при заполнении семантической области запрета в стихотворных текстах В. Высоцкого встречаются, но редко: *Мы рубим ступени... Ни шагу назад! И от напряженья колени дрожат...* (*Вершина*); *Разрешите сделать вам примечание: никаких воздушных ям и качания...* (*Скоморохи на ярмарке*); *... на татуированном кровью снегу наша роспись: мы больше не волки* (= нам не позволяют быть больше волками, мы не можем быть больше волками) (*Охота на волков*).

У **А. Галича** при заполнении семантической области запрета наблюдается удивительное разнообразие языковых средств, среди которых встречаются, конечно же, и глагольные формы, но реже, чем в стихотворных текстах В. Высоцкого. Чувствуется, что автор свободен от грамматических стереотипов и явно тяготеет к нестандартным формулам запрета, характерным для русской разговорной речи, а иногда и для просторечия – *Ревут сирены зычные, Прохожий – ни-ни-ни!* *На Лену заграничные Огни летят, огни* (*Леночка*). *Только век меня держит цепко, С ходу гасит любой порыв. И от горестей нет рецепта, Все, что были, сданы в архив* (*То-то радости, пустомелям...*). *Корабль готовится в отплытие, Но плыть на нём – Сойти с ума!* (= невозможно, запрещено) *Его оснастку, как наитие, Разрушат первые шторма* (*Опыт прощанья*). Довольно часто семантическая область запрета у А. Галича вербализуется с помощью лексических средств, кратких форм страдательных причастий, вопросительных конст-

рукций или контекста. – Ср.: *Брест и Унгены заперты! Дозоры и там и тут!* (Я выбираю свободу). *Непричастный к искусству, Не допущенный в храм, – Я пою под закуску И две тысячи грамм (Желание славы). Что ж ты делаешь, подлец?!* (= это запрещено делать) *Брось кайло немедленно! (Ночной разговор в вагоне-ресторане).* Только у А. Галича встречается заполнение семантической области запрета сложными предложениями с пояснительными отношениями между частями: в одной из частей содержится объяснение, почему запрещено или невозможно то, о чем говорится во второй части – *Я бы в крик, да на стекле ветровом Он картиночку приклеил, подлец!* (= нельзя в крик, потому что...) (*Песня-баллада про генеральскую дочь*); *А поверьте, ей-же Богу, Если все шагают в ногу – Мост об-ру-ши-ва-ет-ся!* (= нельзя, не позволено шагать в ногу, потому что...) (*Закон природы*). *Посошок бы выпить на дорожку, Только век, к несчастью, не такой* (= не позволено выпить на дорожку посошок, так как...) (*Посошок бы выпить на дорожку...*)

И у В. Высоцкого, и у А. Галича семантика запрета имеет явно выраженный социальный характер; причём у В. Высоцкого ситуации запрета в основном концентрируются вокруг деятельности, не осуществлённой или прерванной по требованию извне, а у А. Галича, эмигрировавшего из Советского Союза, семантическая область запрета отражает противостояние между обществом и личностью, коллективом и индивидуальностью, идейную направленность автора – «шагать не в ногу!». Кроме того, для обоих авторов важны и интересны коммуникативные и психологические ситуации не только внешнего, но и внутреннего запрета: лирический герой каждого из поэтов предъявляет к себе не менее высокие нравственные требования, чем к обществу. Семантическая область запрета в поэзии обоих бардов нередко пересекается с семантикой разрешения, что отражается в двух противоположных по своей сути процессах: 1) в синкретизме семантики разрешения и запрета, сознательном соединении их значений в поэтическом тексте; 2) в постоянном смысловом противопоставлении «можно» и «нельзя» в семантическом пространстве текста.

Так, в стихотворении В. Высоцкого *Разведка боем* рефреном идут строки, которые допускают двойную интерпретацию смысла с выходом в обе семантические области – как «можно», так и «нельзя». – *Кто со мной? С кем идти? Так, Борисов... Так, Леонов... И ещё этот тип из второго батальона!* В рамках широкого контекста конструкция *С кем идти?* может быть интерпретирована в двух семантических плоскостях: с кем (можно) идти? с кем (нельзя) идти? В середине стихотворения она трансформируется в *с кем в другой раз (можно/нельзя) ползти?* И только в последнем четверостишии её содержание резко меняется и звучит горько и по-солдатски сурово: – *С кем в другой раз идти?! Где Борисов? Где Леонов?.. И парнишка затих из второго батальона.*

На смысловом противопоставлении семантических областей разрешения и запрета построен текст стихотворения В. Высоцкого *Мне судьба – до последней черты. До креста....* Автор, говоря от первого лица о том, что предназначено его лирическому герою судьбой (*мне судьба – до последней черты, до креста спорить до хрипоты (а за ней – немота), убеждать и доказывать с пеной у рта, что – не то это вовсе, не тот и не та...*), наряду с идеей предназначенности косвенно выражает и идею оправданности (т.е. позволительности) его действий и поступков. Однако даже то, что предначертано (= разрешено) судьбой, в реаль-

ности часто оказывается неосуществимым – *Только чащу испить – не успеть на бегу, даже если разлить – всё равно не смогу. Или выплеснуть в наглую рожу врагу?.. Не ломаюсь, не лгу – не могу. Не могу! На вертящемся гладком и скользком кругу равновесье держу, изгибаюсь в дугу! Что же с чашеею делать?! Разбить – не могу! Потерплю – и достойного подстерегу: Передам – и не надо держаться в кругу. И в крошечную тьму, и в неясную згу, Другу передоверивши чащу, сбегу... Смог ли он её выпить – узнать не смогу.* Все выделенные конструкции прямо не запрещают, они скорее уводят в область модального значения возможности-невозможности действия, одновременно сигнализируя о присутствии косвенного императива запрета в жизни лирического героя. И только в последних четверостишиях мотив запрета звучит отчётливо, причем мотив запрета внутреннего, а не внешнего – *Даже если сулят золотую парчу, На ослабленном нерве я не зазвучу... Лучшие голову песне своей откручу – но не буду скользить, словно пыль по лучу!*

Несовместимость внешнего «можно» с внутренним «нельзя» отчётливо выражена и в строках А. Галича – *И бежит за мною переводчик, Робко прикасается к плечу: «Вам разрешено остаться, Корчак!» Если верить сказке – я молчу (Песенка девочки Нати про кораблик).* *Разрешено остаться* означает: вы будете жить, но лирический герой молча продолжает свой путь, потому что он не может оставить детей, обреченных на смерть. Внутренний запрет прямо не формулируется автором, он выражается имплицитно через контекст и внутреннее несогласие героя, отражённое в конструкции *я молчу*. И это, видимо, не случайно. Автор сознательно избегает пафоса и громких слов, ибо решение учителя нравственно в своей основе, оно должно быть не исключением, а нормой для человеческого сообщества.

Балансирование между *можно – нельзя* у А. Галича нередко оказывается основным звеном, смысловым стержнем и структурным каркасом текста. Сознательное столкновение этих двух противоположных по своей сути нравственных начал искусно обыгрывается поэтом. Некоторые его стихотворения (*Предостережение, Спрашивайте, мальчики!, Вот пришли и ко мне седины*) целиком построены на антитезе смысловых микрополей деонтической модальности – разрешения и запрета. Так, структурно-семантическое пространство текста стихотворения *Спрашивайте, мальчики!* организуется с помощью чередующихся конструкций с предикативными центрами «не+форма повелительного наклонения», «форма повелительного наклонения», «сколько бы ни + инфинитив», «надо+инфинитив». – *Снова замаячили боль, боль, Снова рвутся мальчики в пыль, в бой! Вы их не пугайте, не отваживайте* (= не надо, нельзя пугать...), *Спрашивайте, мальчики, спрашивайте, Спрашивайте, мальчики, спрашивайте, Спрашивайте, спрашивайте* (= можно, нужно, должны спрашивать)! *Спрашивайте: как и почему? Спрашивайте: как и почему? Как, и отчего, и почему – Спрашивайте, мальчики, отцов! Сколько бы ни резать ветчину, Сколько бы ни резать ветчину, Сколько бы ни резать ветчину, – Надо ж отвечать в конце концов!* (= нельзя молчать бесконечно). Семантика разрешения и запрета в данном тексте сочетается с модальными значениями необходимости и долженствования действия, но в целом прочитывается достаточно отчетливо благодаря концентрации смысла в сознательно повторяющихся автором строках.

С помощью оппозиции «можно – нельзя» А. Галич предельно чётко выражает и конфликтность ситуации запрета, её враждебность по отношению к лирическому

герою. – *О, как мне хочется, взрослому, Потрогать пальцами книжку И прочесть на обложке фамилию Не чью-нибудь, а мою!... Нельзя воскресить мальчишку, считайте – погиб в бою... Но если нельзя – мальчишку, И в прошлое ни на шаг, То книжку-то можно?! Книжку! Её почему – никак?! (Песня про велосипед).* – В данном контексте автор идёт от первого значения лексемы *нельзя* (‘нет возможности, невозможно’) ко второму (‘не разрешается, не дозволено’), осложнённого модальной семантикой невозможности действия, и дальше – к прямому запрету, сконцентрированному в отрицательном местоименном наречии *никак*. Подобная смысловая градация помогает выплеснуть всю боль талантливого, но официально не признаваемого поэта.

Итак, вербализация семантической области запрета в русской поэзии обеспечивается разнообразными языковыми средствами и способами, среди которых преобладают морфолого-синтаксические. Для авторов в равной степени актуальными являются как прямые, так и косвенные формы выражения запрета, нередко семантическая область запрета оказывается представленной **имплицитно**. Это позволяет, с одной стороны, избежать категоричности и императивности, а с другой – создаёт условия для неявного, ненавязчивого выражения авторских оценок и позиций. Семантические зоны запрета, их характер и способы их языкового выражения могут пересекаться в языках возможных миров, но полностью они никогда не совпадают. Актуализация коммуникативных и психологических ситуаций, требующих использования формул запрета, и языковое их оформление зависят от авторского восприятия мира и степени воздействия на него социальной среды.

Summary

Prohibition semantics and its reflection in the languages of feasible world

The article dwells on methods and means of verbalization of the prohibition semantics of feasible worlds. Poetic texts, written by A. Blok, O. Mandelshtam, B. Pasternak, A. Voznesensky, V. Vysotsky and A. Galich, are used as an investigation object. Plan of prohibition semantics expression is characterized as a system of multi-level (lexical, lexical-syntactic and morphological-syntactic) means capable of representing the prohibition situation directly (explicitly), indirectly and implicitly.

Peculiarities of individual and author’s representation of prohibition semantics are considered from the point of view of the character of communicative and psychological situations demanding that the author should use the linguistic prohibition formulae. Also the attention is paid to the author’s choices of linguistic means with the help of which semantic zones of prohibition are outlined, as well as to the character of relations on the “sender-addressee” axis and the use of emotional and expressive potential of the prohibition semantics in the artistic space of the poetic text.

Key words: *prohibition semantics, prohibitions-preventives, prohibitions-inhibitives, micro-fields of direct (explicit) and indirect prohibition, implicit way of prohibition expression, external/internal prohibition*